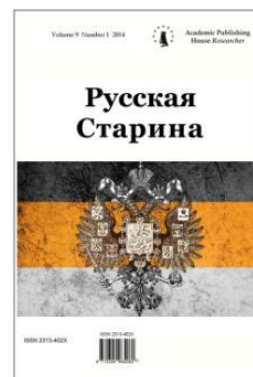

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 232–241, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.232
www.ejournal15.com

Relevant Topic: Death and Commemoration in the Slavic Traditions

UDC 393.05(47)

Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements

Maria A. Andrunina

Moscow State University Named after M.V. Lomonosov, Russian Federation
1, Leninskie Gory Street, Moscow, 199991
E-mail: mary-andr@mail.ru

Abstract

The article analyzes innovations and changes in Slavic funeral and remembrance rites, the most unchanging and archaic branch of tradition culture. The paper deals mostly with two ways of their modification: *loss* of some elements or *accommodation* of them to modern circumstances. Elimination of different ritual parts concerns mostly funerals of special group of dead, so called *unclean* (suicidal, killed, children etc.). Customs of their burial and remembrance, believes and taboo concerning their graves preserve a lot of ancient traits. Traditionally for their inhumation places beyond the sacred ground of cemetery were chosen, often in wilderness: woods, fields, road sides and crossroads, sometimes even marshes. Some were buried in estates or houses (mostly children); this practice persisted for some time in the Eastern Polesye. These rituals and corresponding beliefs are dying away now.

Another option of changes is accommodation to a new way of life. Example of this was recently found in field in Mogilevsky region. Mobility of new generations, when people work far from home, endangers well known spring remembrance practice held in cemeteries. That is why they put a tablecloth over the coffin during burial in order to have it there if nobody comes in spring to cover the grave and commemorate the deceased. Of course, there are other ways of alteration: giving new meaning to old customs, adaptation from neighboring regions and nations etc. So, even the strictest and unyielding tradition can change with the tide of time. And the weakest links are proved to be those connected with the archaic notions of traditional culture that in general might be referred to as mythological worldview.

Keywords: custom, funeral, grave, remembrance, traditional culture, transformation.

Введение

Среди всего многообразия ритуальных форм традиционной культуры связанная со смертью обрядность оказывается в числе наиболее устойчивых к изменениям элементов. Погребальный обряд сохраняет глубокую архаику, что связано с определенной табуизацией сферы смерти и страхом перед ней, заставляющим с особым вниманием относиться ко всем действиям, ритуально оформляющим переход человека в мир иной, следить за

правильностью их исполнения, чтобы не помешать душе уйти на тот свет, предотвратить дальнейшие смерти в семье. Однако даже такие устойчивые к новациям области традиционной культуры подвержены ряду изменений с течением времени в ответ на его вызовы и требования.

В статье рассматриваются два варианта модернизации традиционной погребальной и поминальной обрядности: *утрата* некоторых элементов в связи со стиранием их мифологического значения и *аккомодация* обряда под влиянием современной эпохи. В качестве примеров для иллюстрации подобных изменений избраны похороны покойников особой категории («нечистых», по терминологии Д.К. Зеленина [1], «заложных» – *утрата*) и распространенный в Полесье, Белоруссии, на Украине и в западной части России обычай застилания могилы скатертью во время весенне-летних поминальных обрядов на кладбище (*приспособление*).

Материалы и методы

Материалом для статьи послужили данные, собранные на Украине, в Полесье, Белоруссии и Смоленской области в XIX и XX вв., сведения из Полесского архива Института славяноведения РАН и полевые материалы недавних (2010, 2012 гг.) белорусских экспедиций автора. В некоторых случаях для сравнения привлекается польский и севернорусский материал. В основу анализа материала были положены методы Московской этнолингвистической школы, постулирующей изучение народной культуры в теснейшей связи с языком, психологией, мифологией, фольклором и обрядностью; широко использующей в работе лингвистические методы и подходы для реконструкции символического языка традиционной духовной культуры.

Обсуждение и результаты

Утрата элементов. Разделение умерших на две аксиологически противоположные группы было признано одной из важнейших особенностей традиционной культуры. Покойники делятся на «чистых» (умерших естественной смертью, с соблюдением всех положенных ритуальных норм) и «нечистых», к которым преимущественно относили самоубийц, некрещеных детей, колдунов, опойц, убитых и пр. В основе данного деления, помимо всего прочего, лежат поверья об их неодинаковой посмертной судьбе: души «чистых» умерших получают упокоевание на том свете, а души грешников не могут туда уйти, застревают на границе двух миров, где вынуждены «доживать» отпущенное им время жизни, искупать грехи, просить о поминовении и крещении. Их души оказываются тесно связанными с метеорологией, они населяют стихии, летают в вихрях, тучах, становятся падающими звездами, блуждающими огнями, могут населять отдельные локусы природного пространства (места своей гибели или захоронения на месте своей смерти), появляться там в виде животных, вредить прохожим, пугать их и сбивать с пути.

В соответствии с представлениями о ритуальной «чистоте» или «нечистоте» умерших и с разными посмертными судьбами их душ, можно условно выделить два типа погребального обряда. Первый, более христианизированный вариант, относится к «чистым» умершим, включает в себя церковное отпевание, захоронение на кладбище, ритуальные формы церковного и домашнего поминовения. Второй обслуживает ситуацию похорон «нечистых» покойников и сохраняет большое количество архаических черт. Например, у восточных славян существовал обычай выносить из дома через окно некрещеных детей и людей, умерших от горячки [2]; у восточных славян и в Польше иногда для переноса «нечистых» покойников на кладбище (висельников или утопленников) использовали другую дорогу, а не ту, которой пользовались обычно [3]. Это объясняли негативным влиянием «нечистых» покойников на фертильность полей и погоду: «<...> Топляныка за сэлom нэсуть – кажуть, для дошчу и для граду, кажуть, цило лито суша будэ, нэ будэ дошчу» [4].

Похороны «заложных» покойников лишены ряда элементов традиционного христианского обряда: в Полесье часто на их могилах запрещали ставить крест; в Ровненской области кресты на могилах некрещеных младенцев не «збивали гвоздиком, а звязывали тряпочкой» [5]; в Гомельской области на их могилах ставили палочку, сделанную

из осины [6]. «Нечистых» покойников не поминали, но запрет снимался только раз в году во время весенне-летнего периода: на их могилы ходили в *Духовскую субботу, на Семик¹, на Троицу, на Навьи проводы*. «Топлеников, давлеников паминаюць на Траецкие деды (самые главные). И им пасвятлее зделает Гасподь» [7]; «Только на Троицу можно поминать ўдавленника, втопленника» [8]; «Ва ўторник послі Пасхі бываюць Навіі провады. Ента усе ходюць на пагост, радитилей паминаюць. На агні пагараўшы, на ваде патапаўшы, етих заусигда паминаюць. Удавленника – тока пад Духау день» [9].

Иногда единственным локусом поминания умерших этой группы становился перекресток: «На Гряной, перад Троицай паминаюць даўленнікаў, каторыя вешаюцца. На перахросных дарогах сыпляць зярон і кажаць: “Нябесныя пціцы, сабірайце, такую-то душу памінайце”. Эта і ўвесь іх памінак, а так па іх не чытаюць нічога». Так же поминали некрещеных младенцев [10].

Ряд особых элементов убранства могил «заложных» служил целям защиты живых от опасного покойника: общеславянской считается практика помещения на их могилы камней, а на западе Полесья — деревянных колод, чтобы помешать умершему выйти наружу [11]; с той же целью на таких могилах высаживали колючие растения [12], в Подлясье на них сыпали соль [13]. В Белорусии иногда в изголовье могилы клали решето в качестве оберега [14]. В Польше (в Лодзинском и Силезском воеводствах) [15], Белоруссии [16] и Полесье над могилами «нечистых» покойников насыпали кучи камней и веток.

Однако главной чертой похорон «нечистого» покойника можно назвать запрет на его захоронение на кладбище вместе с другими членами семьи, для их могил выбирали места, использовавшиеся для захоронений в дохристианскую эпоху. К ним, прежде всего, относятся локусы на территории дома и усадьбы и в природном пространстве.

В пределах жилища и усадьбы часто погребали некрещеных детей: для этого избирались места под иконами (под *святым, красным углом*), под печью, в подызбице, в сенях, под порогом, под фундаментом дома, под окном, во дворе, в саду (особенно под плодовым деревом — яблоней, грушей, вишней, под калиной или акацией), в огороде, в клуне, под сараем, на гумне. «Рябёнка харонюць, сорок дней служат. Гаваряць: “Ангил ужэ на неби, палятел”. Никряшнёных дятей на пагосьти ни харонюць. У хати ямачьку пад святымі выруюць, там харонюць» [17]; «Найбольше ховалы пэрэд порогом, шоп пэрэкрышчывалы их»; «ў города, шоп ходыли ўсе и ногами хрестылы йих»; «ховалы под дэрэвцем, ў садике, шоп не ходыли там» [18]. В некоторых областях данный обычай сохранялся вплоть до недавнего времени и относился, кроме детей, к другим умершим членам семьи, например, к старикам, особенно если они сами завещали такой способ погребения [19].

Но чаще всего для похорон «нечистых» умерших избирались локусы в природе: леса, поля, дороги, перекрестки, границы (межи, лесные просеки, границы между угодьями соседних сел); никому не принадлежащие участки земли; возвышенности, болота, берега водоемов; их хоронили также под деревьями, в местах произрастания определенных пород деревьев (осин, можжевельника), под выворотнями. В полесском селе Малые Автюки повесившихся хоронили в осиннике [20]; в Заонежье — на возвышенном месте, поросшем можжевельником; там же самоубийц и утопленников погребали на ничейной, вымороченной земле; на «скотских кладбищах»; иногда гроб не закапывали в землю, а выбрасывали в глубокое болото, где обычно топили туши павшей скотины [21].

Среди всех покойников, принадлежащих к категории «заложных», погребение в природном пространстве чаще всего относилось к самоубийцам, и особенно — к висельникам и утопленникам, считавшимся в народной культуре самыми «демоническими» и вредоносными из всех. «Вешальников закапываюць ў лес, далеко — на кладбище не моно было. Як везли одного ў лес, то лес трещал, ломило, не могли увезти» [22]; «Оно висельныка хавают на граньци, гдэ сходыца зэмля камэнэцкая и наша [т.е. где сходятся поля села Каменного и села Чудель]» [23]; «Вэшалникоў от гдэ дэрэво витэр вывалит в лисе, тут и хоронат» [24]; «У нас раньше ж було, шо вешальников не ложкили [на кладбище], а де-то серед дороги де разъезжаются, на поли, чы ещэ де» [25].

¹ *Духовская суббота* — суббота перед Троицей, *Семик* — седьмой четверг после Пасхи.

Особенно часто для похорон висельников (и других самоубийц) избирались перекрестки, дороги, а также границы и межи, в чем выражалось крайне негативное восприятие данной группы покойников и локусов их захоронения: «по той границе чорт ходит, бо вешалника закопуют», висельника хоронят «на розходніх дорогах, бо там чорти водзяца [26]; «на хрестовой дорози, шоп вса видэлы и боялысе» [27]; «На дорози — хто повисэвся (висэвник) [...] — за их молитвы нэма, ему чэсть, як змердящему псу» [28].

Среди других покойников, похороненных на перекрестках, оказываются также люди, убитые громом, и некрещенные дети: «Як гром убье, на росходных дорогах хоронили» [29]. Символизм перекрестка как креста оказывается главным в мотивировках похорон некрещенных детей в данном локусе, этим достигается их символическое крещение: «раз нэ хрыштшены, так на хресту нада хараныть» [30].

Соблюдение в отношении «заложных» покойников традиционных обрядовых норм (в первую очередь запрета хоронить их на кладбище) обеспечивало природное равновесие и правильный порядок вещей; в противоположном случае это сулило различные бедствия: засухи, ливни, бури, градобитие, неурожай, смерти в селе и другие несчастья. «Особенно трошки упрякали висельникаў на кладбищах, ўроде як долго дождю няма да засуха» [31]; «топленик да самоўбийца, шо утапиўсь, то не клали на могілках — не буде даждя» [32]; «То ужэ як этые ветры, то через то [похороны висельника на кладбище], кажуть» [33]; «Як кака беда у селе зробицца, то кажущь, то через то, што вишельника на кладбишчи похоронили» [34]; «Если вешальника похоронить на кладбище, будут вешаца крэпко люды. Если топленька похоронить на кладбище, топыца будут люды» [35]; «[Шептунью] не можно занэсти на кладбишче — то дошч буде» [36].

Однако вместе со стиранием мифологической связи между душами умерших (особенно «нечистых» покойников) и атмосферными явлениями постепенно утрачивалась перечисленная выше особая специфика их похорон, призванная поддерживать равновесие в мире, и заменялась христианской формой обрядности. «Заложных» покойников все чаще начинали хоронить на кладбище, хотя еще в последней трети XX в. это расценивалось носителями традиции как нарушение общепринятых норм: «Расказвали, шчо раньшэ их, потопленикоў и висельникоў (ето ужэ сами себе смерть налажывае) не ховали со ўсими на кладбишчэ», «Колись топленика и вишельника не ховали на кладбишчэ. Ў куточку ховали, а тиепер не разбираюца — ўсе ў пиень [без разбору] идуць» [37].

В ряде случаев разрешение похоронить «заложного» покойника на кладбище давалось в соответствии с народными представлениями о степени его греховности. Самыми «чистыми» могли считаться дети: «няхрышчаных дзяцей хавалі на могілках разам з усімі, бо яны, у адрознение ад самазабойцаў, ні ў чым не вінаватыя, ніякога грэха не ўчынілі» [38]; «они безгрешные, их хоронили на кладбище» [39]. То же касалось и людей, убитых громом: «Это ж так, як и утопленик, што вин унечай [нечаянно] — на кладбишчах хоронить» [40]. Снисходительно могли относиться к опойцам, колдунам, утопленникам и убитым: «А утоплэныков и видьмаров ховалы разам з усими. Бо люды не знають, хто видьмар, а хто не» [41]; «Е што утопица с поневоли и кого насильно вешали — те не считаюца. Тех на кладбишчэ кладуць» [42]; «Апился — на пагосьти [хоронили], но ни служатъ» [43].

Как показывает материал Полесского архива, в восточной зоне Полесья отмечается высокая сохранность обычая погребать детей в домах и садах, иногда там же вспоминают о захоронении в домах и старых людей; при движении на запад все более проявляется тенденция замены домашней сферы погребения для некрещенных детей на периферийные места кладбища. В западных областях Полесья (Брестская область) туда уже перенесено основное количество захоронений умерших данной категории.

Более устойчивыми к новациям оказываются обычаи погребать в природном пространстве (чаще всего на перекрестках) висельников и других самоубийц, поскольку еще сохраняются представления об особой вредоносности, демонизированности этой группы умерших, а также осуждение их греховного ухода из жизни. Похороны «нечистых» покойников в природном пространстве дольше всего сохранялись в Черниговской, Гомельской, Житомирской областях Полесья; в Житомирской и Гомельской областях зафиксировано наибольшее количество ответов информантов о том, что совсем недавно места похорон «нечистых» покойников сменились с природных на кладбищенские, что

воспринимается как грубое нарушение установленных норм и грозит селянам различными бедствиями.

Постепенно утрачиваются и другие особенности погребального обряда «заложных»: как и другим умершим, им ставят кресты на могилы, поминают в домах и в церквях; две разновидности похоронного обряда унифицируются. «[В духовскую субботу] ходили [на кладбище] — кто залился, кто задавился. А сейчас ко всем идут. А раньше только кто...» (рус. смол.) [44]; «Раньше на кладбишча удавленника не пушчали [...] А нонечо всех валят. [Можно ли удавленников поминать?] Раньше не поминали, а ноне поминают» [45]. Само архаическое деление покойников на «чистых» и «заложных» все более утрачивается, рамки категорий размываются, а кое-где это уже забыто.

Приспособление элементов обряда. Важной чертой весенней поминальной обрядности на кладбище в западных областях России, в Полесье, на Украине и в Белоруссии является обычай застилать могилу скатертью, на которую складывали принесенную с собой еду, садились вокруг могилы, ели и поминали умершего. «На Проводы просле Паски тыждэнь, у понэдилок берэм яичко сьвашчное, емо и пьем там [на кладбище]. Засьвитымо сьвичку, простэлэм настыльныка на могилу, помолимса Богу»; «Идуть строить могилы, вароное яйцэ занесе. А це ужэ на Проводы несуть гарилку, вино, полну могилу настановлять. Покрывають настольником, рушником, чым хто. И однэ другога кличуть, да пьют, да едят» [46]; «Бэруть сумки, идуць на могилки, бэром бутылку — и кожны на свою [могилу] растилае скатерку и пируюм ужэ» [47].

Для этой цели могли использовать пасхальную или особую, отдельную скатерть, которую обычно хранили во дворе дома: «Мне в наследство скатерть отставалась, дак я всё хожу на кладбище з ёю, когда Радушный день бываить. И бяру тую скатерть и стелю на могилочку» [48]; «Эта скатерть гадуе ў дваре — сколько хто умрэ, як хажу — на могилки застилаю» [49].

Застилание могилы скатертью или большим полотенцем во многих случаях считалось обязательным, иногда говорили, что священник, служащий на кладбище поминальный молебен, помянет только тех умерших, чья могила окажется застеленной: «На Наськи великдзень¹ ишли на кладбишча, на кладбишчах поминаюць; бацюшка поминае умерших, коле своих близких, чья могила будзе заслана полотном [там батюшка поминает]» [50].

Однако увеличивающаяся мобильность населения в современных условиях и, как ее следствие, невозможность для родственников в некоторых случаях посетить могилы близких на Радуницу привели к модификации данного обычая: в Могилевской области Белоруссии появилась практика застилать гроб скатертью на похоронах перед опусканием его в могилу: «Ужэ коли ў ямку пакойника апускали, так ну, не каждый жэ живёць ў етай дяревне и их дети вон далёка паехали, [...] ну засцэлиць скацэрць на крышку на гроб, гавариць, ну можэ я не приеду на Радуницу, на кладбишчэ к тебе, дак нехай буде засцэляно. [...] Галава и ноги не накрыты. Есьли на Радуницу мы не приедем сюды, значиць, мы ужэ послали скацэрць. Все так рабили» [51]; «Закрываюць гроб, апускаюць, пакрываюць да груди. Ну чтобы он мог видець. И ставюць ў магилку [гроб]» [52]; «Апустили ў яму и скацэрць бяреца [...] сцэляць па грабу. Пасцялили и апусцили. Есьли никога радных, есьли никто не придець [на Радуницу], вечна будець. Вечна будець заслано» [53].

Другие пути изменений. Приведенные выше примеры отнюдь не исчерпывают всех возможных путей изменения погребальной и поминальной обрядности в настоящее время. Помимо *утраты* элементов обряда и *аккомодации* его к современным условиям широко идет *замена* традиционных ритуальных форм церковными нормами, что более всего видно в материалах, относящихся к западным славянам. Например, у поляков практически все традиционные поминальные обряды вытеснились церковными, костел запретил все обычаи, связанные с едой на кладбище, поэтому такие практики либо остались маргинальными, либо о них помнят лишь самые пожилые информанты [54]. Обычай поминания покойного на могиле сразу после погребения характерен только для восточнославянской территории; в Польше фиксируются лишь единичные случаи такого

¹ Четверг на пасхальной неделе.

ритуального поведения: например, в горной Силезии участники похорон садились на могиле, ели хлеб с сыром, пили пиво и пели религиозные песни [55].

Другим путем развития погребальной и поминальной обрядности является изменение ряда ее форм, связанное с *переосмыслением* обряда носителями традиционной культуры. Так, в Заонежье во время погребения было принято бросать в могилу полотенца и холсты, на которых спускали гроб в могильную яму, воспринимаемые в культуре как символ дороги, пути в потусторонний мир. Однако данный обычай иногда понимался информантами как нововведение, традиционно же полотенца следовало дарить тем, кто опускал гроб, чтобы они молились о благополучной переправе умершего на тот свет. Запрет на бросание данных предметов вслед за покойником мотивировался тем, что полотенце символически спутает ноги душе, помешает добраться на тот свет: «Полотенце туда не бросят, чтобы покойнику ноги не спутать»; «Полотенце – это дорога. По широкой дороге покойнику легче туда перейти. А в могилу полотенце не бросали» [56].

В некоторых случаях развитие погребального обряда осуществлялось через *заимствование* некоторых обычаев: «Ето сейчас, хто лапку, хто цветы [бросают по дороге на кладбище на похоронах], а раньше, какую тебе лапку? Ето сейчас ужэ такое паверье пашло» [57]. На польско-белорусском пограничье зафиксирована практика оставлять на могилах яблоки, конфеты, пасхальные яйца, ветки вербы, что, по мнению исследователей, может быть вторичным заимствованием католиками у православных обычая оставлять еду для умерших [58].

Выводы

Проанализированный в статье материал нововведений в комплексе погребально-поминальной обрядности показывает, что даже такая архаическая и устойчивая к новациям область традиционной культуры неизбежно претерпевает изменения с течением времени. Постепенно отмирают представления о делении умерших на «чистых» и «нечистых», утрачиваются старые формы похорон и поминок «заложных» покойников: их хоронят обычным способом на кладбищах и поминают вместе со всеми, их могилы ничем не отличаются от остальных.

С другой стороны, стремление сохранить ряд обычаев (например, поминальных) ведет к их приспособлению к меняющимся условиям современной жизни. Появляется практика заранее исполнять некоторые из них: например, через покрывание скатертью гроба на похоронах формально исполнялась часть обрядности весенних поминок на кладбище. Другие возможные варианты изменений погребальной и поминальной обрядности, рассмотренные в статье, связаны с переосмыслением обычаев, заимствованием их из других районов или у этнических соседей. Все это также свидетельствует о приспособляемости погребального обряда к современности и о потенциальной изменчивости ряда форм традиционной культуры.

Однако среди всех отмеченных нами новаций прослеживается общая тенденция: быстрее всего изменению, забвению или переосмыслению подвергаются те части обряда, которые теснее всего связаны с древними, во многом уже утраченными мифологическими представлениями. Например, почти стерто представление о том, что души «заложных» покойников влияют на погоду и урожай, которое когда-то играло основополагающую роль в связанной с ними обрядности и объясняло запрет хоронить их на кладбище; а исчезновение запрета бросать полотенца в могилу на похоронах связано с постепенным забвением мифологических представлений о посмертном пути души на тот свет.

Примечания:

1. Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 230–298.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. С. 141.
3. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921. S. 355.

4. Село Чудель Сарненского района Ровненской области // Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Москва.
5. Село Боровое Рокитновского района Ровненской области // Полесский архив...
6. Полесский архив...
7. Село Грабовка Гомельского района Гомельской области // Полесский архив...
8. Село Челхов Климовского района Брянской области // Полесский архив...
9. Село Доброводье Севского района Брянской области // Полесский архив...
10. Лопатин Г.И. «Похараны есць похараны...» (похоронно-поминальный обряд в Ветковском районе Гомельской области) // Живая старина. 2012. № 3. С. 41.
11. Плотникова А.А. Могила // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). С. 271.
12. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 347.
13. Matus I. Zwyczaje pogrzebowe na północnym Podlasiu // Nekropolie jako znak kultury pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, L. Frolak. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. S. 165.
14. Пахаванні, памінкі, галашэнні / гал. рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. С. 269.
15. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 355.
16. Пахаванні, памінкі, галашэнні... С. 104.
17. Село Доброводье Севского района Брянской области // Полесский архив...
18. Село Олбин Козелецкого района Черниговской области // Полесский архив...
19. Кабакова Г.И. Дети, умершие до крещения // Проблеми сучасної ареалогії / відп. ред. П.Ю. Гриценко. Київ: Наукова думка, 1994. С. 313.
20. Село Малые Автюки Калинковичского района Гомельской области // Полесский архив...
21. Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. С. 166.
22. Село Боровое Рокитновского района Ровненской области // Полесский архив...
23. Село Чудель Сарненского района Ровненской области // Полесский архив...
24. Деревня Радеж Малоритского района Брестской области // Полесский архив...
25. Село Вышевичи Радомышльского района Черниговской области // Полесский архив...
26. Конобродська В. Поліський поховальний і поминальні обряди // Етнолінгвістичні студії. Т. 1. Житомир: Полісся, 2007. С. 210.
27. Деревня Радеж Малоритского района Брестской области // Полесский архив...
28. Село Мощенка Городнянского района Черниговской области // Полесский архив...
29. Село Курчица Новоград-Волынского района Житомирской области // Полесский архив...
30. Село Ковчин Куликовского района Черниговской области // Полесский архив...
31. Село Стодоличи Лельчицкого района Гомельской области // Полесский архив...
32. Село Мощенка Городнянского района Черниговской области // Полесский архив...
33. Село Тхорин Овручского района Житомирской области // Полесский архив...
34. Село Боровое Рокитновского района Ровненской области // Полесский архив...
35. Село Курчица Новоград-Волынского района Житомирской области // Полесский архив...
36. Село Червоная Волока Лугинского района Житомирской области // Полесский архив...
37. Деревня Замощье Лельчицкого района Гомельской области // Полесский архив...
38. Гавораць чарнобыльцы (з мясцовых гаворак чарнобыльскай зоны ў Беларусі). Мінск: ЦНБ АН РБ, 1994. С. 210.
39. Деревня Тихманьга Каргопольского района Архангельской области // Архив лаборатории фольклористики РГГУ, Москва.
40. Деревня Онисковичи Кобринского района Брестской области // Полесский архив...
41. Деревня Спорово Березовского района Брестской области // Полесский архив...
42. Деревня Замощье Лельчицкого района Гомельской области // Полесский архив...
43. Село Доброводье Севского района Брянской области // Полесский архив...
44. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М.: Индрик, 2003. С. 119.
45. Деревня Тихманьга Каргопольского района Архангельской области // Архив лаборатории фольклористики РГГУ, Москва.
46. Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005, с. 198–199.
47. Деревня Барбаров Мозырского района Гомельской области // Полесский архив...
48. Смоленский музыкально-этнографический сборник... С. 115.
49. Село Челхов Климовского района Брянской области // Полесский архив...
50. Толстая С.М. Полесский народный календарь... С. 153.

51. Деревня Прусино Костюковичского района Могилевской области // Полевые материалы М.А. Андруниной.
52. Деревня Теханичи Костюковичского района Могилевской области // Полевые материалы М.А. Андруниной.
53. Поселок Журбин Костюковичского района Могилевской области // Полевые материалы М.А. Андруниной.
54. Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2006. S. 86, 112.
55. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 379–380.
56. Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья... С. 163–164.
57. Деревня Самотевицы Костюковичского района Могилевской области // Полевые материалы М.А. Андруниной.
58. Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi... S. 88.

References:

1. Zelenin D.K. K voprosu o rusalkakh (Kult pokoynikov, umershikh neestestvennoy smertyu, u russkikh i u finnov) // Izbrannyye trudy. Statyi po dukhovnoy kulture. 1901–1913. M.: Indrik, 1994. S. 230–298.
2. Bayburin A. K. Zhilische v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan. L.: Nauka, 1983. S. 141.
3. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921. S. 355.
4. Selo Chudel Sarnenskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv sektora etnolingvistiki i folklora Instituta slavyanovedeniya RAN. Moskva.
5. Selo Borovoe Rokitnovskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
6. Polesskiy arkhiv...
7. Selo Grabovka Gomelskogo rayona Gomelskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
8. Selo Chelkhov Klimovskogo rayona Bryanskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
9. Selo Dobrovodye Sevskogo rayona Bryanskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
10. Lopatin G.I. "Pokharany ests pokharany..." (pokhoronno-pominalnyy obryad v Vetkovskom rayone Gomelskoj oblasti) // Zhivaya starina. 2012. № 3. S. 41.
11. Plotnikova A.A. Mogila // Slavyanskie drevnosti: etnolingvističeskij slovar: v 5 t. / pod obschey red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. T. 3. K (Krug) – P (Perepelka). S. 271.
12. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 347.
13. Matus I. Zwyczaje pogrzebowe na północnym Podlasiu // Nekropolie jako znak kultury pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, L. Frolak. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. S. 165.
14. Pakhavanni, paminki, galashenni / gal. red. A.S. Fyadosik. Minsk: Navuka i tekhnika, 1986. S. 269.
15. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 355.
16. Pakhavanni, paminki, galashenni... S. 104.
17. Selo Dobrovodye Sevskogo rayona Bryanskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
18. Selo Olbin Kozeletskogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
19. Kabakova G.I. Deti, umershie do kreshcheniya // Problemi suchasnoï arealogii / vidp. red. P.Yu. Gritsenko. Kiiiv: Naukova dumka, 1994. S. 313.
20. Selo Malye Avtyuki Kalinkovichskogo rayona Gomelskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
21. Loginov K.K. Semeynye obryady i verovaniya russkikh Zaonezhya. Petrozavodsk: KNTs RAN, 1993. S. 166.
22. Selo Borovoe Rokitnovskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
23. Selo Chudel Sarnenskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
24. Derevnja Radezh Maloritskogo rayona Brestskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
25. Selo Vyshevichi Radomyshl'skogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
26. Konobrodska V. Poliskiy pokhovalniy i pominalni obryadi // Etnolingvistichni studii. T. 1. Zhitomir: Policcyia, 2007. S. 210.
27. Derevnja Radezh Maloritskogo rayona Brestskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
28. Selo Moshchenka Gorodnyanskogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
29. Selo Kurchitsa Novograd-Volynskogo rayona Zhitomirskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
30. Selo Kovchin Kulikovskogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
31. Selo Stodolichi Lelchitskogo rayona Gomelskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
32. Selo Moshchenka Gorodnyanskogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
33. Selo Tkhorin Ovručskogo rayona Zhitomirskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
34. Selo Borovoe Rokitnovskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...

35. Selo Kurchitsa Novograd-Volynskogo rayona Zhitomirskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
36. Selo Chervonaya Voloka Luginskogo rayona Zhitomirskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
37. Derevnya Zamoshye Lelchitskogo rayona Gomelskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
38. Gavorats charnobylytsy (z myastsovykh gavorak charnobylyskay zony ŷ Belarusi). Minsk: TsNB AN RB, 1994. S. 210.
39. Derevnya Tikhmanga Kargopolskogo rayona Arkhangelskoy oblasti // Arkhiv laboratorii folkloristiki RGGU, Moskva.
40. Derevnya Oniskovichy Kobrinskogo rayona Brestskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
41. Derevnya Sporovo Berezovskogo rayona Brestskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
42. Derevnya Zamoshye Sevsikogo rayona Gomelskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
43. Selo Dobrovodye Sevsikogo rayona Bryanskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
44. Smolenskiy muzykalno-etnograficheskiy sbornik. T. 2. Pokhoronnyy obryad. Plachi i pominalnye stikhi / otv. red. O.A. Pashina, M.A. Engovatova. M.: Indrik, 2003. S. 119.
45. Derevnya Tikhmanga Kargopolskogo rayona Arkhangelskoy oblasti // Arkhiv laboratorii folkloristiki RGGU, Moskva.
46. Tolstaya S.M. Polesskiy narodnyy kalendar. M.: Indrik, 2005, s. 198–199.
47. Derevnya Barbarov Mozyrskogo rayona Gomelskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
48. Smolenskiy muzykalno-etnograficheskiy sbornik... S. 115.
49. Selo Chelkhov Klimovskogo rayona Bryanskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
50. Tolstaya S.M. Polesskiy narodnyy kalendar... S. 153.
51. Derevnya Prusino Kostyukovichskogo rayona Mogilevskoy oblasti // Polevye materialy M.A. Andryuninoy.
52. Derevnya Tekhanichi Kostyukovichskogo rayona Mogilevskoy oblasti // Polevye materialy M.A. Andryuninoy.
53. Poselok Zhurbin Kostyukovichskogo rayona Mogilevskoy oblasti // Polevye materialy M.A. Andryuninoy.
54. Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2006. S. 86, 112.
55. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 379–380.
56. Loginov K.K. Semeynye obryady i verovaniya russkikh Zaonezhya... S. 163–164.
57. Derevnya Samotevichi Kostyukovichskogo rayona Mogilevskoy oblasti // Polevye materialy M.A. Andryuninoy.
58. Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi... S. 88.

УДК 393.05(47)

Трансформация традиционных форм обрядности, связанной со смертью: утрата элементов и их приспособление

Мария Александровна Андрюнина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация
119991, Москва, улица Ленинские горы, 1
E-mail: mary-andr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изменениям в традиционной славянской погребальной и поминальной обрядности, консервативной и сохраняющей большое количество архаизмов части традиционной культуры. В статье рассмотрены два варианта модификаций похоронно-поминального комплекса: утрата элементов и их приспособление к современным условиям. Для иллюстрации утраты обрядовых элементов послужили похороны особой группы умерших («нечистых», «заложенных» покойников), к которым чаще всего относили самоубийц, убитых, некрещеных детей и пр. Погребальная и поминальная обрядность, осуществляемая по отношению к этим умершим, сохраняет множество архаических черт. Для их могил традиционно избирались места за пределами кладбищ, в лесах, полях, возле дорог и перекрестков, иногда даже болота. Некоторых (преимущественно некрещеных детей) хоронили в усадьбе или в доме, эта практика дольше всего сохранялась в восточном Полесье. В последнее время многочисленные особенности

обряда погребения и поминовения «заложных» покойников все более утрачиваются вместе с их мифологическими мотивировками.

Другим вариантом изменений в похороно-поминальном комплексе является аккомодация обрядности к новым условиям. В Могилевской области Белоруссии был записан обычай покрывать скатертью гроб перед опусканием в могилу. Такая практика возникла в связи с увеличившейся мобильностью населения в данном регионе и невозможностью для многих посетить могилы предков на Радуницу, покрыть ее скатертью и помянуть покойных. Таким образом, через застилание гроба скатертью на похоронах заранее осуществляется часть поминальной обрядности и сохраняется широко распространенный обычай покрывать могилы во время весенних поминок на кладбище. Среди других вариантов изменений похоронно-поминальной обрядности можно назвать переосмысление элементов обряда, заимствования обычаев из других регионов или от соседних этносов и пр. Таким образом, даже наиболее древние и консервативные части традиционной культуры подвергаются изменению с течением времени, а прежде всего исчезают и размываются те ее части, которые более всего связаны с восприятием мифологической картины мира.

Ключевые слова: традиционная культура, погребальный обряд, поминки, трансформация, могила, обычай.